

Олег Волховский

ЦАРЬ НИГИЛИСТОВ 8

Олег Волховский

Царь нигилистов - 8

«Автор»

2026

Волховский О.

Царь нигилистов - 8 / О. Волховский — «Автор», 2026

Можно ли изменить историю, если знаешь будущее? И что труднее — предвидеть катастрофу или предотвратить её? Восьмой том «Царя нигилистов» — новая схватка за будущее России: Александр пытается изменить ход истории с помощью своих знаний, политического таланта и неожиданных союзов. Права человека, независимый суд, экономические реформы... Сегодня эти идеи кажутся естественными, но в империи Романовых они способны перевернуть привычный порядок вещей. Каждое решение приходится отстаивать, а оппонентов — убеждать. Среди тех, с кем Александру предстоит иметь дело, — министры, великие князья, Петрашевский, Достоевский и другие известные современники. Сможет ли пятнадцатилетний царевич изменить Россию, не доведя её до катастрофы? И можно ли построить свободное общество, сохранив самодержавие? Альтернативная история, политические интриги, острые дискуссии и встречи с людьми, которым ещё предстоит войти в историю.

© Волховский О., 2026

© Автор, 2026

Олег Волховский

Царь нигилистов - 8

Глава 1

«Его имя: Феликс Эдмундович Дзержинский, — продолжал великий князь. — Оно вам, конечно, ничего не говорит. Но это человек, памятник которому первым снесёт восставший народ после победы демократической революции в конце двадцатого века».

Был четверг, 14 июля. Вечером Саша нашёл у себя на столе объёмистый пакет с запиской от папá: «Ты интересовался этим делом. Смотри. Обрати внимание на записку Венцеля».

В пакете было постановление Сената по Иркутскому делу о на шумевшей дуэли. Документ был датирован 11 июля. Значит, папá, как минимум, просмотрел.

В записке Иркутского губернатора Венцеля ничего неожиданного не было. Он утверждал, что ненависть к Беклемешеву и его окружению была вызвана их высоким уровнем образования, безупречной честностью и строгим исполнением служебных обязанностей — то есть теми качествами, которых у других чиновников не было.

Может и так, но их жертва Неклюдов ни происхождением, ни образованием от них принципиально не отличался. Однако общественное мнение было на его стороне.

С другой стороны, с общественным мнением всякое бывает.

Сроки Сенат всем скостил радикально. Самому Беклемешеву от 20 лет каторги — до трёх крепости, его секунданту Фёдору Анненкову, который вёл переговоры и, по слухам, разрядил пистолет Неклюдова — тоже от двадцати лет до шести месяцев.

По версии подсудимых, Анненков заменил пистолеты обоим дуэлянтам, поскольку заподозрил, что слабо заряжен наоборот пистолет Беклемишева.

Навязанному соперниками Неклюдову секунданту Молчанову с четырёх с половиной лет скостили до 6 месяцев. А приятелю Беклемишева — Гурьеву — с трёх лет каторги до трёх месяцев крепости.

При этом Сенат констатировал, что поединок прошёл по всем правилам, «без всякого изменнического против Неклюдова с чьей-либо стороны действия».

Заявление было несколько смелым, поскольку никаких дополнительных экспертиз не было, и эксгумаций никто не проводил — дело изучали по бумажкам.

По-хорошему, конечно, надо было провести. И даже имело смысл, учитывая Иркутский климат. Но было совершенно очевидно, что никто заморачиваться не будет. После Сената в заморочиться мог только папá, а ему было явно не до того.

Саша не жаждал крови, зная по опыту, что и три месяца крепости — это не в Сочи съездить, но речь шла о человеческой жизни, и история была в общем некрасивой. Насколько вообще можно приравнять дуэль к убийству?

В решении Сената была ещё одна интересная деталь.

Одновременно с утверждением приговоров для участников Сенат вынес отдельное определение: действия членов Иркутско-Верхотурского окружного суда надлежало «подвергнуть рассмотрению в Совете главного управления Восточной Сибири и предать суду за строгое решение и мнение». То есть судей, ранее приговоривших участников дуэли к каторге, сами сделали обвиняемыми.

В том числе советника губернского суда Ольдекопа, который остался при особом мнении по итогам губернского суда, пересмотревшего решение окружного и уже скостившего всем сроки.

Но судьи тоже бывают неправы, и суд над судьями — это не всегда нехорошо.

Саша изложил всё, что он об этом думает, в письме к Петрашевскому. Включая пассаж о том, что даже три месяца крепости — штука неприятная — «вам ли не знать».

И что, если судьи вынесли заведомо неправоудное решение, привлечь их за это к суду — тоже не есть плохо.

«Ваше милосердие достойно восхищения, Ваше Императорское Высочество, — отвечал Петрашевский, — однако, в данном случае неуместно и носит имя «попустительство». Я слишком хорошо изучил это дело.

Я направлял властям несколько прошений, где разбирал материалы следствия, указывал на фактические нестыковки и доказывал, что в ходе разбирательства были нарушены законные процедуры. Секундант Неклюдова получил незаряженный пистолет и были другие нарушения, которые исказили картину.

Неклюдову не дали пригласить секундантом своего друга, а навязали ему полужнакомого человека из окружения его соперника. Вопреки дуэльному кодексу во время поединка не присутствовал врач, который мог оказать первую помощь. В результате раненый около часа пролежал на морозе один. И вы, как человек, интересующийся медициной должны понимать, насколько это усугубило трагедию.

Власти знали о дуэли и ничего не предприняли, чтобы её предотвратить.

Так что в этом случае вообще речь идёт не о честной дуэли, а об организованном убийстве.

Следствие было достойным продолжением самой дуэли: свидетелей собирали вместе, а не допрашивали порознь, а некоторых заявителей вообще отказывались выслушивать, даже если они приходили сами.

Разбирательство и не могло быть честным, поскольку Беклемишев находился под покровительством властей.

А то определение Сената, о котором вы пишете — просто месть независимым судьям.

P.S. Прилагаю статью Львова в «Иркутских губернских ведомостях» с более широким взглядом на эту историю».

Номер 17 «Иркутских губернских ведомостей» был от 23 апреля 1859 г.

Львов был одним из фигурантов дела Петрашевского.

В статье говорилось о недопустимости дуэли как «варварского обычая» в современном цивилизованном обществе. А если нет ясных доказательств её честности, то это из разряда «самых гнусных убийств».

«Любезнейший Михаил Васильевич! — отвечал Саша. — Спасибо огромное за подробный ответ и интересный газетный номер!

Львова помню по материалам вашего дискуссионного клуба.

Под мнением о том, что дуэль есть варварский обычай, я подпишусь, но статья содержит опасную идею, которую я не приму никогда, ибо считать любую дуэль априори убийством, если не доказано иное — это отмена принципа презумпции невиновности.

Бремя доказывания всегда лежит на обвиняющей стороне. И это для меня «священная корова». Как бы ни были коварны дуэлянты, государство всё равно много сильнее, а значит подыскивать доказательства должен суд, а не подсудимые.

Ваши аргументы мне известны, поскольку они были изложены в «Колоколе».

Но ни в издании Александра Ивановича, ни в решении Сената я не увидел доказательств того, что пистолет Неклюдова был не заряжен. Возможно, эти доказательства существуют, возможно, их можно найти. Но для этого нужно возвращаться на этап следствия, что на данной стадии судопроизводства может сделать только мой отец.

Он не будет этим заниматься. Во-первых, потому, что решение Сената многих вполне устроило и кажется милосердным и справедливым. И, во-вторых, папá — только человек со своими ограничениями и по времени, и по силам. Сейчас это не главное.

Остальные ваши и Герцена аргументы справедливы, и их бы было достаточно для отмены приговора, но всё равно не для его ужесточения.

Если бы я обладал самодержавной властью, я бы, наверное, отменил приговор, приказал возобновить следствие и добился эксгумации тела и его тщательно исследования, чтобы получить точные ответы на ваши вопросы.

Однако я не обладаю никакой властью, не то, что самодержавной.

Весь мой ресурс — это некоторый авторитет в глазах государя, заработанный несколькими верными предсказаниями и рядом изобретений. Однако этот ресурс не столь уже велик и исчерпаем, я не хочу тратить его на вещи, которые представляются мне не столь глобальными.

Я не вижу в этом деле достойной цели для того, чтобы расходовать этот ресурс. Кто виноват мы и так знаем, и все суды всех инстанций с нами солидарны. Можно спорить о том, что делать.

Чего мы хотим добиться ужесточением наказания? Двадцатью годами каторги можно напугать до полусмерти и людей менее нежных, чем юные столичные аристократы. Я совершенно уверен, что они уже достаточно напуганы и только и твердят про себя: «Больше никогда!»

Они же не из упомянутого выше дискуссионного клуба, чтобы жертвовать собой ради высоких идей. Да и не было у них никакой высокой идеи.

В то, что они выйдут на свободу и тут же начнут плести заговор против очередного неприятного для них человека, я не верю ни на грош.

Тогда в чем смысл отправлять их на каторгу?

Запугать других потенциальных дуэлянтов? Во-первых, мне не нравится идея использовать одних людей для вразумления других. Человек — не средство. Во-вторых, это вообще плохо работает. Во Франции смертную казнь за дуэли ввели ещё при Людовике Тринадцатом, в 17-м веке. И никто её не отменял, но они дуэлируют до сих пор.

Менталитет нужно менять, а не запугивать. Вот когда дуэль будет восприниматься как варварство и глупость — тогда мы справимся. Но это долгий процесс.

Если бы речь шла о спасении человеческой жизни, я бы, наверное, пошёл ругаться с папá. Но мы никого не спасаем. Ради спасения нарушить субботу — да, ради побивания камнями — не стоит!

Всегда ваш вел. кн. Александр Александрович.

P.S. Спасибо за увлекательную юридическую дискуссию».

Саша выдал Митьке деньги на извозчика, тот взял записку и отправился в Петербург на улицу 3-я рота Измайловского полка, дом 5. В доходный дом действительного статского советника Никифора Алексеевича Палибина.

* * *

Петрашевский прочитал письмо, написал ответ на ответ и дал прочитать другу.

— А ты не слишком резок? — спросил Достоевский. — Он всё-таки великий князь.

— Вот и посмотрим, чего он стоит.

— По-моему, он очень уравновешен и не хочет с тобой ссориться. Он тебя из ссылки вернул.

— Истина выше благодарности.

«Александр Александрович! — гласил ответ на ответ. — Были бы доказательства, если бы следствие исследовало труп. И вы это сами прекрасно понимаете! А как соотносится пре-

следование судей с вашей священной презумпцией невиновности? Как можно говорить об их вине, пока нет доказательств?

А то, что они находились под нашим с Львовым влиянием — ни на чём не основанная клевета».

Митька подождал ответа, сел на извозчика и вернулся в Петергоф.

«Судей постараюсь прикрыть, если моё вмешательство понадобится, — отвечал Саша. — В том, что к ним тоже применима презумпция невиновности, вы совершенно правы. В независимости судей я не сомневаюсь, ибо у вас нет рычагов влияния. А действовать убеждением не возбраняется никому».

«У кого были рычаги, — писал Петрашевский, — так это у Михаила Бакунина, родственника генерал-губернатора Муравьёва-Амурского, он не только во всем защищал своего патрона и его фаворита Беклемишева. Более того: он руку приложил к тому, чтобы дуэль состоялась».

Если Неклюдов откажется, он предлагал высечь его, и даже нашёл 15 человек, готовых дать подписку о уже состоявшемся сечении.

Правда ли, что вы и Бакунина пытались вернуть?

Стоит ли?»

«Михаил Александрович, конечно, человек, увлекающийся, — отвечал Саша. — Угроза выставить на городскую стену Сикстинскую мадонну — вполне в его духе. Но это не значит, что я передумал добиваться его возвращения. В Сибири он за инакомыслие, а не за подстрекательство к дуэли».

Было, конечно, ещё участие в восстании в Дрездене, но оно не имеет к нам отношения, да и трактовать можно по-разному, например, как защиту конституции.

Русские оппозиционеры всегда склонны собачиться друг с другом, а не с правительством. Ибо с правительством скучно и опасно.

Если я вас всех верну, и вы друг друга перестреляете, Долгорукову будет нечем заняться».

«Не меня упрекать в том, что я опасаюсь конфликтов с правительством», — возразил Петрашевский.

«Давайте к делу! — ответил Саша. — Часть вашего доклада по юридическому обоснованию распечатывания алтарей готова? Приходите на чай, посмотрим».

Надеюсь, не подерёмся, как Беклемишев с Неклюдовым».

«Во-первых, дуэль варварский обычай, — отвечал Петрашевский, — во-вторых, я не столь антипатриотичен, чтобы вызвать Александра Эгалите».

«Я и не сомневался, что моя принадлежность к не самой любимой вами фамилии вас не остановит».

Буду рад вас видеть 16 июля в восемь вечера.

Ваш Александр Эгалите».

Утром 16 июля с Петропавловки снова палили пушки, ибо у дяди Мишеля родилась дочь. Саша узнал об этом сразу, как только проснулся. К десяти утра поехали в Михайловку поздравлять.

Дача Михаила Николаевича располагалась между Петергофом и Стрельной.

Дядя Костя тоже присутствовал. Роды, разумеется, принимал Земмельвейс.

Девочку назвали Анастасией. Саше дали её подержать.

«Анастасия Михайловна... Великая княгиня Анастасия Михайловна», — несколько раз повторил он про себя. Но ничего не вспомнил.

— Я не вижу её будущего, — наконец, признался он.

Дядя Мишель, кажется, был разочарован.

— А может оно и к лучшему, — заметил Саша. — Если бы её расстреляли или, скажем, сбросили в шахту, я бы знал.

— Сбросили в шахту? — переспросил дядя Миша.

— Да, и такое будет. Но не с нею. Возможно её не будет в России во время революции.

«Или она умрёт во младенчестве», — подумал он про себя.

— Станет красавицей, — сказал он вслух.

Новорожденная кузина была совершенно очаровательна.

Вечером Петрашевский пришёл не пустой. Из своего потёртого портфеля он извлёк рукопись страниц на 15.

— Всё готово, Александр Александрович, — прокомментировал он.

Саша пролистал. Писал Михаил Васильевич относительно разборчиво, хотя явно торопился, так что всё равно хотелось сделать печатный вариант.

Все цитаты из указов от Петра Алексеевича до Александра Павловича присутствовали. Аккуратно, дотошно, со ссылками на источники. Ничуть не хуже, чем в «Колоколе».

— Супер! — сказал Саша. — Это за три дня?

— Да, — усмехнулся гость. — И не только это.

— Что-то ещё? Выкладывайте!

— Я составил опись моей библиотеки. Здесь, конечно, не всё, только то, что помню я и смог вспомнить Фёдор Михайлович.

И Петрашевский извлёк на свет божий ещё одну рукопись раза в три толще первой. Она состояла исключительно из наименований сверху донизу страницы убористым почерком на четырёх языках.

— Постараюсь отбить, что не сожгли, — пообещал Саша.

И убрал список в ящик письменного стола.

— Вы не обидитесь, если я вам выдам 100 рублей премии за скорость?

— Эээ... нет.

Саша достал из ящика многострадальный кошелёк, побывавший в царских руках, и извлёк оттуда две бумажки.

— Двести, — удивился гость.

— Плюс аванс по зарплате, — объяснил Саша.

— Зарплате?

— Заработной плате. Очень не люблю слово «жалованье». Я вам ничего не жалую, вы просто работаете и получаете за это деньги.

Гость усмехнулся, но деньги взял.

— Спасибо!

Когда гость ушёл, Саша тоскливо посмотрел на пятнадцатистраничный доклад (надо как минимум, четыре экземпляра: дядя Костя, Никса, папá, ну, и себе составить). А кто ещё умеет печатать с копиркой?

И списка конфискованных книг нужен ещё хотя бы экземпляр, ибо нести его надо в Третье отделение, а это та ещё чёрная дыра.

Он достал его из ящика и собирался быстренько пробежать глазами, но взгляд зацепился за Жорж Санд, Дидро и Вольтера.

Французские просветители у нас запрещены?

Нет, социалисты-утописты — это понятно. Но Вольтер, с которым Екатерина Алексеевна переписывалась!

Но дамские исторические романы!

И Саша сел за письмо к Константину Николаевичу.

«Милый дядя Костя!

У меня к тебе две просьбы.

Дело в том, что у меня на столе сейчас лежат два довольно интересных документа. Я хочу сделать их печатные копии. Поэтому вопрос: не одолжишь ли ты мне кого-то из твоих моряков, умеющих быстро печатать на машинке? Работу оплачу.

И вторая: нет ли у тебя полного списка действующих членов Государственного Совета? Мне бы очень пригодился.

Твой Саша».

И Митька полетел в Стрельну.

Спустя примерно час вернулся с ответом.

«Что ты затеял? — поинтересовался Константин Николаевич. — Я завтра в Петергофе. После литургии предлагаю поехать ко мне».

«Я как раз хотел рассказать тебе о том, что затеял, — ответил Саша. — Спасибо за приглашение. Приеду с документами и копиркой».

Ответ на последнюю записку был совсем кратким: «Копирка есть».

С утра светило солнце, было жарко, пахло скошенной травой с Александрийских газонов.

Литургию слушали в готической капелле Петергофа, а к двенадцати поехали в церковь Большого Петергофского дворца на молебен по случаю рождения Анастасии.

По окончании Саша сел в карету к Константину Николаевичу.

Документы были с собой.